

==== К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг. ====

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ БЕЗОГОВОРОЧНОЙ КАПИТУЛЯЦИИ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

© 2025 г. К.А. Залесский^{а,*}

^аАссоциация историков Второй мировой войны им. О.А. Ржешевского

*E-mail: ka_zet@mail.ru

Поступила в редакцию 15.03.2025 г.

После доработки 15.03.2025 г.

Принята к публикации 28.03.2025 г.

Статья посвящена драматическому моменту в истории Великой Отечественной и Второй мировой войн – событиям, предшествовавшим подписанию Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Вокруг этого события развернулась серьёзная борьба с участием руководства Германии, Великобритании, Соединённых Штатов Америки и Советского Союза. Руководство СССР делало всё возможное, чтобы не допустить заключения сепаратного мира между Германией и Великобританией, к чему стремилось правительство К. Дёница. Автор прослеживает все этапы этой военно-политической коллизии, в рамках которой речь шла не только о послевоенном статусе Германии, но и о новой системе международных отношений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Акт о капитуляции Германии, антигитлеровская коалиция, “Большая тройка”, полная капитуляция, частичная капитуляция, сепаратные соглашения, И.В. Сталин, У. Черчилль, Д. Эйзенхауэр, Г. Трумен, К. Дёниц, фельдмаршал Б. Монтгомери, генерал-адмирал Г.Г. фон Фридебург, генерал-полковник А. Йодль, генерал-майор И.А. Сулопаров.

DOI: 10.31857/S0869587325050012, EDN: EJXMTL

Победа СССР в Великой Отечественной войне – Победа над нацистской Германией – всегда будет оставаться в центре внимания широкой общественности и в России, и в странах СНГ, когда-то входивших в состав Советского Союза, и среди наших союзников по Антигитлеровской коалиции, и в странах, освобождённых войсками Красной армии или армиями союзников, и даже в проигравшей войну Германии. При этом государства, волею судеб никакого отношения ко Второй мировой войне не

имевшие, в лучшем случае занимают отстранённую “политически грамотную” позицию, но всё-таки занимают!

Охватить все аспекты Победы невозможно. Ведь даже на вопрос “Когда началась дорога к Победе?” нельзя ответить однозначно. Кто-то скажет, что это 1944-й, когда наши войска вышли на государственную границу СССР; кто-то вспомнит Курскую дугу, где был окончательно сломлен хребет германских панцерваффе. Но ведь все знают: именно с разгрома под Сталинградом начался коренной перелом в войне. Однако нельзя забывать и о контрнаступлении под Москвой, когда рухнул миф о непобедимости вермахта и окончательно был похоронен блицкриг. А кто-то скажет, и будет прав, что долгая дорога к Победе началась непосредственно 22 июня 1941 г., когда немецкие войска не смогли, как планировалось, взять Брестскую крепость... Спорить нет никакого смысла.

Зато мы можем совершенно точно определить тот момент, когда Победа наступила. Ведь для всех нас День Победы – 9 мая – святой день. И здесь можно говорить не только о чём-то высоком, но

ЗАЛЕССКИЙ Константин Александрович – вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны им. О.А. Ржешевского.

и о формальной, скажем так, официальной победе. А что это такое? Всё просто: это момент, когда враг сложил оружие, прекратил сопротивление, признал своё поражение.

* * *

Адольф Гитлер — фюрер и рейхсканцлер, а также верховный главнокомандующий вермахта — настаивал на как можно более долгом сопротивлении советским войскам и ни о какой капитуляции и слышать не хотел. Свою позицию он сформулировал ещё 31 августа 1944 г., когда мало у кого возникали сомнения в том, что Германия проиграла войну. В этот день на оперативном совещании в восточно-прусской Ставке под Растенбургом (*Wolfsschanze* — “Волчье логово”) во время очередного монолога Гитлер обозначил дальнейшие планы войны: “Придёт время, когда трения между союзниками станут так велики, что приведут к разрыву. Все коалиции в истории раньше или позже распались. Надо лишь ждать правильного момента, хотя это тоже тяжело” [1, S. 615, 617]. Этой позиции он придерживался до своей смерти.

В понедельник 30 апреля 1945 г. между 15:30 и 15:50 Гитлер покончил с собой, и политика немецкого руководства в отношении капитуляции несколько изменилась, но всё же отголоски гитлеровской идеи о расколе коалиции сохранились. Новый глава германского государства, назначенный предыдущим в его политическом завещании, гросс-адмирал Карл Дёниц в своём первом радиообращении к германскому народу в ночь на 2 мая 1945 г. выступил, скорее, именно как преемник фюрера, а не как некий “новый” руководитель страны. Однако, несмотря на стандартные фразы о героизме ушедшего вождя, о верности его принципам и о продолжении борьбы, тональность заявлений слегка поменялась: если большевизм по-прежнему представлял главным противником Третьего Рейха, то отношение к западным державам несколько смягчилось [2, с. 262, 263].

Формально к этому моменту германские войска ещё контролировали довольно большое пространство: даже на побережье Атлантики сопротивлялись гарнизоны Ла-Рошели, Сен-Назера, Лорьяна, Дюнкерка и Нормандских островов, а в Средиземном море германские войска оставались на Крите, Родосе и Додеканесских островах. И хотя военные действия уже вовсю шли на территории Германии, уже пал Берлин, части вермахта всё ещё присутствовали в Норвегии, Дании, Голландии, Хорватии, Италии, Австрии, Чехословакии, Латвии, Польше. Впрочем, в значительной степени это была фикция — везде фронт уже рушился без каких-либо перспектив, а там, где немцы оказывали сопротивление, это было сопротивление обречённых.

И тогда, и позже Дёниц и его окружение обосновывали свои действия первоочередной задачей “спасения населения восточных территорий от орд

большевиков”. При этом главной задачей правительства Дёница было принятие любых мер, которые позволили бы легитимизировать его, превратить в действующее правительство послевоенной Германии, пусть и под контролем западных союзников СССР. Карл Дёниц в своих воспоминаниях, к которым следует относиться с большой осторожностью, достаточно чётко обрисовал свою позицию: «Хотя 1 мая я публично объявил, что сопротивление на Западном фронте будет продолжаться ровно столько, сколько потребуется для осуществления наших планов на востоке, тем не менее я отлично понимал, что могу положить конец противостоянию с англичанами и американцами только после капитуляции на поле боя. Но я не знал, удастся ли нам убедить их принять частичную капитуляцию, учитывая провозглашённый во всеулышание лозунг о “безусловной капитуляции”» [3].

Приемлемой для Германии ситуацией была бы капитуляция на Западе и продолжение сопротивления на Востоке. Однако, поскольку стало ясно, что англо-американцы в тот момент ещё не были готовы пойти на нарушение имеющихся с СССР договорённостей, было решено проводить политику частичных капитуляций. Что имелось в виду? Капитуляция обставлялась не как полная, а как сдача вооружённых сил на конкретном театре военных действий, то есть мероприятие не политическое, а чисто военное: исходя из сложившейся обстановки командующий решает прекратить сопротивление. В этом случае можно было бы частями сдаваться на Западе, продолжая сопротивление на Востоке и постепенно отводя войска и население в зону ответственности западных союзников, формально не подписывая полной капитуляции. Предполагалось, что если такой процесс затянется, возникнет ситуация, когда правительство Дёница станет приемлемым партнёром для союзников и у него появится шанс претендовать на некое представительство немецкого народа, пусть и в усечённой форме.

Дёниц отправил приказ командующему войсками в Гамбурге: на следующий день, 3 мая, в 8:00 направить к англичанам парламентёра, предложить им сдачу города без боя, а также сообщить, что к британскому фельдмаршалу Бернарду Монтгомери вскоре прибудет немецкая делегация во главе с генерал-адмиралом Гансом Георгом фон Фридебургом. Фридебург должен был в качестве пробного шара предложить капитуляцию немецких войск, стоявших против британской 21-й группы армий, и, если всё пройдёт удачно, обратиться к президенту Эйзенхауэру с предложением капитуляции на всём западном театре военных действий.

Штаб Монтгомери размещался на холме Тимелоберг в 3 км юго-восточнее Люнебурга. Фельдмаршал разместился в собственном автокараване, в течение получаса был развёрнут временный, но очень комфортабельный лагерь. Утром 3 мая немецкая деле-

гация, возглавляемая фон Фридебургом, прибыла в Тимелоберг около 11:30. На вопрос Монтгомери “Чего они хотят?” [4, с. 356] фон Фридебург зачитал письмо, подписанное начальником Верховного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршалом Вильгельмом Кейтелем, в котором речь шла о возможной капитуляции *англичанам* войск группы армий “Висла” (около 500 тыс. человек), которая вела военные действия к северу от Берлина *против советских войск*. Монтгомери так описал происходившие события: «Я сказал фон Фридебургу: “Вы согласны сдать мне все германские силы на моих западном и северном флангах, включая все силы в Голландии, Фрисланде с Фризскими островами, в Гельголанде, Шлезвиг-Гольштейне и Дании?”... Он ответил, что не может согласиться на эти условия... Потом я сказал, что, если немцы отказываются от безоговорочной капитуляции всех сил в указанных мною областях, я отдам приказ о продолжении боёв; в этом случае будет убито множество немецких солдат, не исключена и гибель гражданских лиц от артиллерийского огня и воздушных налётов» [4, с. 357, 358]. Фридебург отбыл для консультаций и уже около 0:00 явился к Дёницу с докладом. Дёниц вспоминал: “Монтгомери, объявил он [Фридебург], готов принять сепаратную капитуляцию Северной Германии, но потребовал, чтобы туда же были включены Голландия и Дания... Монтгомери ответил, что не станет чинить препятствий отдельным солдатам, пожелавшим сдаться, но ни при каких обстоятельствах не будет принимать сдачу организованных воинских подразделений” [3]. После короткого совещания было принято решение о наделении Фридебурга соответствующими полномочиями на подписание капитуляции. Причём не было сомнений – ни тогда, ни сейчас, что Дёниц и его соратники рассматривали эту капитуляцию как очень важный первый шаг на пути к общей сепаратной капитуляции перед западными союзниками при продолжении сопротивления на Восточном фронте. Дёниц записал в своих мемуарах: “Утром 4 мая я предоставил Фридебургу право принять все условия Монтгомери. Он вернулся в штаб Монтгомери, имея приказ после урегулирования всех формальностей с англичанами направиться в Реймс к Эйзенхауэру и сделать ему аналогичное предложение – *о сепаратной капитуляции* [курсив мой – К.З.] всех наших сил в американском секторе” [3].

По возвращении в лагерь Монтгомери Фридебург и другие члены немецкой делегации где-то после 18:00 4 мая подписали Акт о частичной капитуляции. Все наступательные действия британская армия прекратила ещё 3 мая, когда немцы провели переговоры с Монтгомери, теперь же фельдмаршал отдал официальный приказ о прекращении огня на всей линии фронта с 8:00 утра субботы 5 мая 1945 г. Бернард Монтгомери немедленно озвучил послание командирам подчинённых ему частей, оно было стандартным: “хочу выразить благодарность”, “вы-

полнили великую задачу”, “горжусь тем, что командовал”, “от всего сердца благодарю”. А в обращении ко всей 21-й группе армий среди прочих патетических фраз были и такие слова: “Мы победили в германской войне” [4, с. 364, 365].

После подписания акта немцы покинули ставку Монтгомери: как и было предусмотрено, Фридебург и генерал пехоты Эбергард Кинцель отправились в Реймс, в ставку генерала Эйзенхауэра, чтобы попытаться добиться такого же успеха, что и в Люнебургской пустоши.

Во Фленсбурге, последнем центре нацистского правительства, тот факт, что немцам разрешили подписать акт о капитуляции, вызвал чуть ли не эйфорию. Новому правительству Германии стало казаться, что всё получается и их идея о мире с западными державами при сохранении противостояния с Советским Союзом становится реальностью. Дёниц писал: “Сообщение Фридебурга, переданное 4 мая, принесло нам огромное облегчение. Первый шаг к сепаратной капитуляции перед Западом был сделан, и нам не пришлось бросать своих соотечественников на милость русских” [3].

Описанные выше переговоры не были ни в коем случае тайной для советского руководства. Наши союзники держали в курсе Москву. Как указывает в своей работе официальный историк Армии США, исполнительный директор Фонда Джорджа К. Маршалла Форрест Погью, “объединённый штаб 21 апреля информировал Советское правительство, что капитуляция крупных сил противника становится всё более вероятной, и предложил, чтобы при верховных штабах как на Западном, так и на Восточном фронтах находились представители всех трёх союзников для ведения переговоров о капитуляции. Объединённый штаб просил, чтобы Советский Союз назначил представителей как к Эйзенхауэру, так и на Средиземноморский театр” [5, с. 488].

* * *

Немецкому командованию была известна согласованная общая позиция союзников, договорившихся не заключать сепаратных соглашений, но оно надеялось, что принципиальные идеологические противоречия между большевиками и западными демократиями дадут ему шанс. С англичанами вариант частичной капитуляции прошёл в целом нормально. Теперь, если такую же удастся подписать с американцами, то можно сколь угодно долго игнорировать ситуацию на Восточном фронте, ссылаясь на некие военные обстоятельства, – вплоть до отказа подписывать акт о капитуляции. Таким образом, Дёниц старался де-юре обойти существующие договорённости союзников и с помощью частичных капитуляций добиться де-факто сепаратного мира.

Ещё более важно, что Дёниц и его окружение надеялись при подписании капитуляции только на британском и американском театре военных дей-

Британский фельдмаршал Б. Монтгомери зачитывает Акт о капитуляции, штаб 21-й группы в Люнебургской пустоши, 4 мая 1945 г.

Сидят (слева направо): майор Й. Фридель, контр-адмирал Г. Вагнер, генерал-адмирал Г.Г. фон Фридебург, фельдмаршал Б. Монтгомери. *Стоят* (слева направо): подполковник Т. Уоррен, полковник К.П. Доуни, полковник Дж. Эварт, подполковник Ф. Вайдман

ствий остаться в статусе легитимного правительства Германии. И это было не только вопросом власти — то есть, кто будет руководить побеждённой страной, но и вопросом о статусе Германии: в этом случае она бы формально сохраняла суверенитет. Таким образом, осуществление планов о частичной капитуляции и блокирование всеми силами капитуляции безоговорочной было жизненно необходимо правительству Дёница. В связи с этим миссия фон Фридебурга приобрела чрезвычайно важное значение.

Примерно к 17:00 5 мая Фридебург прибыл в ставку Главного командования экспедиционными силами союзников (*Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force*, сокращенно SHAEF), а вернее — в штаб-квартиру Верховного главнокомандующего генерала Дуайта Эйзенхауэра. Она располагалась в древнем городе Реймсе.

Если в штабе Монтгомери всё прошло вполне приемлемо для немцев, то с Эйзенхауэром ситуация оказалась сложнее. С одной стороны, американцев вполне устраивало подписание капитуляции противостоящих им немецких войск, с другой стороны, Эйзенхауэр был политиком в значительно большей степени, чем Монтгомери. Последний был кадровым военным, который всеми силами стремился делать именно военную карьеру, добиться на этом

поприще всеобщего признания и не помышлял о большой политике, в то время как Эйзенхауэр был скорее штабистом, администратором и вообще политиком, который лучше разбирался не в военном искусстве, а в политической подоплёке событий. Для военных решений у него были соответствующие советники. Эйзенхауэр прекрасно понимал, какое колоссальное историческое значение имеют проходящие в Реймсе переговоры, и то, как они будут проведены, может во многом определить ход его дальнейшей — и он не без оснований надеялся, что успешной — карьеры.

Надо отметить, что ситуация, в которой находился Эйзенхауэр, была значительно более комфортной, чем та, в какой неизбежно оказывалось советское командование. На своём посту верховного командующего в Европе он, в рамках своей компетенции, обладал широчайшими полномочиями и мог самостоятельно решать в том числе и вопрос о капитуляции, не получая на это добро или какие-либо указания от политического руководства США и Великобритании. Он принимал решения исходя из военной целесообразности, с учётом политических аспектов, о которых его информировали заранее. Эйзенхауэр предпочёл лично в переговорах не участвовать, формально потому, что Фридебург явно не соответствовал ему по рангу. Он возложил

эту работу на своего ближайшего помощника, начальника штаба SHAEF генерал-лейтенанта Уолтера Б. Смита (англичанин представлял кадровый разведчик, начальник разведки SHAEF генерал-майор Кеннет У.Д. Стронг).

В отличие от Люнебурга переговоры для немцев в Реймсе с самого начала не заладились, поскольку Эйзенхауэр занял не предусматривавшую никаких иных вариантов позицию: безоговорочная капитуляция должна происходить на всех фронтах одновременно, а это было именно то, чего старалась всеми силами избежать немецкая сторона. Фридебург сразу же объявил Смигу, что его руководство предлагает немедленную капитуляцию всех вооружённых сил Германии, которые противостоят войскам, находящимся под командованием Эйзенхауэра, а также вообще на Западе, то есть фактически это было предложение сепаратного мира. В ответ Смит, имевший чёткие указания своего шефа и не располагавший полномочиями решать какие-либо принципиальные вопросы, заявил, что он готов обсуждать только вопрос о капитуляции вермахта на Западном театре военных действий, но исключительно при одновременной безусловной капитуляции и на Восточном фронте.

Смит вручил Фридебургу текст Акта о капитуляции, который принципиально отличался от того, что был подготовлен Европейской консультативной комиссией и который был в распоряжении и Эйзенхауэра, и Смита. Позже никто из действующих лиц с американской стороны не давал объяснений того, почему не был использован утверждённый правительствами стран Антигитлеровской коалиции текст, а написан новый. Что сделано — то сделано. Однако надо заметить, что определённая логика в этом решении всё же была, то есть нельзя исключить определённый умысел: при подписании текста Европейской консультативной комиссии (ЕКК) Эйзенхауэр оказывался бы просто рядовым исполнителем воли условной “Большой тройки”, здесь же он становился самостоятельной фигурой, как и было на самом деле, — человеком, который принимает решения и отдаёт приказы. При составлении собственного текста Акта о капитуляции он, с одной стороны, полностью выполнил решения, принятые политическим руководством Антигитлеровской коалиции, а с другой — показал, что именно он отвечает за действия вверенных ему войск и именно благодаря его действиям капитуляция была подписана.

Есть и второй момент. И он подразумевает некий компромисс. Если мы обратим внимание на текст Акта о безоговорочной капитуляции ЕКК, то увидим там множество чрезвычайно важных пунктов, в той или иной степени явно выходящих за рамки компетенции военных властей и имеющих отношение, скорее, к политическому устройству Германии. Все вопросы политического устройства и будущего

управления Германией Эйзенхауэр проигнорировал, оставив их политикам, — он только военный и отвечает за военную сторону вопроса.

Генерал Смит доложил о результатах первого раунда переговоров Эйзенхауэру, который сразу же приказал проинформировать о ходе переговоров всю “Большую тройку”, однотипные телеграммы ушли в Вашингтон, Лондон и Москву: “Адмирал Фридебург имеет полномочия только на сдачу остатков немецкой армии на Западном фронте. Обсуждение этого ограниченного предложения было отвергнуто. Учитывая, что адмирал расположен обсуждать вопрос о полной капитуляции, если будет на это уполномочен, ему было предложено запросить разрешение германского правительства” [6]. Сам Эйзенхауэр в своих воспоминаниях также упомянул, что связался с руководством СССР: “Я сразу же сообщил обо всём этом советскому Верховному главному командованию и просил назначить офицера в качестве русского представителя на возможных переговорах с Дёницем. Я информировал русских, что не приму никакую капитуляцию, если она не будет предусматривать одновременную капитуляцию повсюду” [7, 482].

Выдвинутые американской стороной условия в принципе Дёница не устраивали, поскольку все его действия были направлены именно на то, чтобы избежать капитуляции на Восточном фронте. Однако Дёниц и его окружение разглядели в позиции американцев некую надежду на лучший исход. Почему? Дело в том, что из заявлений Эйзенхауэра следовало, что он в принципе готов вести переговоры, а затем и санкционировать подписание пусть и безоговорочной, пусть и общей (то есть на Западе и на Востоке) капитуляции вермахта. В этом случае правительство Дёница избегало капитуляции перед Красной армией, и разговоры о будущем Германии можно было бы вести с западными союзниками, что обещало немцам определённые перспективы. Второй момент: новый текст капитуляции, касавшийся исключительно военных вопросов, давал впоследствии возможность правительству Дёница заявить (чего и хотели избежать союзники, утверждая текст Акта о капитуляции ЕКК), что капитулировал вермахт, но не германское государство. В результате у Дёница и его советников могло сложиться впечатление (пусть и ложное), что заявление американцев не последнее, и можно ещё раз попытаться их убедить.

Однако для этого требовался более искушённый переговорщик, чем Фридебург, и выбор пал на генерал-полковника Альфреда Йодля, начальника Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта (ОКВ). Дёниц так охарактеризовал задачи, поставленные перед Йодлем: “Попробуйте ещё раз объяснить причины того, почему мы делаем это предложение о сепаратной капитуляции американцам. Если договориться с Эйзенхауэром не удастся, Фридебург должен

предложить одновременную капитуляцию на всех фронтах, но выполненную в два этапа. На первом этапе будут прекращены все враждебные действия, но немецким войскам будет предоставлена свобода передвижения. На втором этапе передвижение будет прекращено. Постарайтесь как можно больше растянуть первый этап и отсрочить наступление второго, уговорите Эйзенхауэра, чтобы отдельным немецким солдатам было в любом случае разрешено сдаваться американцам. Чем значительнее будет ваш успех, тем больше немецких солдат и беженцев найдут спасение на Западе” [3].

К 6 мая 1945 г. относится информирование советской стороны о событиях, происходивших в Реймсе. Эйзенхауэр писал: “Советское Верховное главное командование назначило генерал-майора Суслопарова своим представителем” [7, с. 483]. Всё было достаточно просто: вечером этого дня к Ивану Суслопарову прибыл адъютант Эйзенхауэра и “передал приглашение главнокомандующего срочно прибыть в его штаб” в Реймс [8, с. 517]. Ещё раньше Эйзенхауэр проинформировал телеграммой о состоянии дел начальника Генерального штаба РККА генерала армии Алексея Антонова, фактически — что было всем понятно — это было обращение к И.В. Сталину. Причём это сообщение было отправлено не после, а до начала переговоров в Реймсе, 4 мая, когда штаб Эйзенхауэра только получил известие о прибытии Фридебурга и на тот момент формально ничего не знал о предложении немцев.

Переговоры Смита и Йодля шли с переменным успехом. Убедить американцев в целесообразности частичной капитуляции немцам не удалось. Кроме того, идея подписания капитуляции через какое-то время насторожила Эйзенхауэра, который вполне логично усмотрел в этом попытку затянуть процесс и выгадать время. Он решительно отклонил эти предложения, показав себя “непреклонным” и “резким”, и дал Смиту указание настаивать на немедленном подписании Акта о капитуляции, но, так и быть, заложить в него оговорённую отсрочку. Англо-американская сторона посчитала, что 48 часов — это стандартный срок, когда речь идёт о столь серьёзных вопросах. Сам Эйзенхауэр так охарактеризовал свою позицию: “Нам было ясно, что немцы стремились выиграть время, с тем чтобы перевести за нашу линию фронта как можно больше немецких солдат. Я сказал генералу Смиту, чтобы он передал Йодлю, что если они немедленно не прекратят выдвигать всякие предлоги и тянуть время, то я закрою весь фронт союзников, чтобы впредь не пропускать никаких немецких беженцев через нашу линию фронта. Я не потерплю дальнейшего промедления... Немцы могли найти ту или иную причину, чтобы отсрочить капитуляцию и тем самым получить дополнительное время для себя. Поэтому через генерала Смита я информировал их, что капитуляция вступит в силу через 48 часов, начиная с нынешней полуночи; в противном случае моя угроза закрыть Западный фронт бу-

дет немедленно осуществлена” [7, с. 483]. Выбора у немцев не осталось, и в 21:00 6 мая американцы прервали переговоры. В 2:41 7 мая Акт о капитуляции был подписан.

Чрезвычайно важным аспектом подготовки подписания капитуляции стало получение согласия советской стороны. В принципе этого не требовалось: документ априори подписывает только та сторона, которая, собственно, капитулирует. То есть это одностороннее действие. Тем более если капитуляция безоговорочная. Представители противной стороны лишь фиксируют факт капитуляции, ведь в подобном документе какие-либо гарантии для сдавшегося противника не предусмотрены — формально они определяются положениями Женевской конвенции, да и то необязательно.

Находившийся в Москве и, таким образом, не являвшийся свидетелем происходивших в Реймсе событий, но имевший к ним непосредственное отношение генерал Сергей Матвеевич Штеменко писал: “Д. Эйзенхауэр принял И.А. Суслопарова в своей резиденции. Улыбаясь, он сказал, что прибыл гитлеровский генерал Йодль с предложением капитулировать перед англо-американскими войсками и воевать против СССР.

Что вы, господин генерал, на это скажете? — спросил Д. Эйзенхауэр. И.А. Суслопаров тоже улыбался... Начальник советской военной миссии ответил главе англо-американского командования, что существуют обязательства, совместно принятые членами антигитлеровской коалиции, относительно безоговорочной капитуляции противника на всех фронтах, в том числе, конечно, и на восточном” [8, с. 517].

Из приведённого текста следует, что советское командование было проинформировано постфактум. Судя по всему, именно Штеменко по линии Генерального штаба отвечал за контакты с Суслопаровым и докладывал Сталину о происходящем в Реймсе. Из журнала посещения кабинета Сталина следует, что 6 мая Штеменко вошёл в кабинет первым — в 19:25, его сообщение было настолько важным (скорее всего, именно тогда он докладывал о полномочиях Суслопарова и реакции на переговоры в Реймсе), что уже через 5 минут в кабинет вошли срочно вызванные члены Государственного комитета обороны СССР Лаврентий Берия, Георгий Маленков и Николай Булганин, ещё через 5 минут (в 19:35) прибыл и заместитель наркома иностранных дел Андрей Вышинский, который курировал вопросы капитуляции и будущего устройства Германии. Штеменко с Булганиным ушли, видимо, получив какие-то задания, в 21:45, Вышинский — в 22:00, Берия с Маленковым — в 22:05. Нельзя утверждать, что позже, вечером того же дня, не было ещё одного совещания — уже не в кабинете, а в квартире Сталина, но это недоказуемо. Нам остаётся только верить Штеменко: “Начальнику советской военной миссии оставалось весьма немного времени, чтобы полу-

чить инструкции своего правительства. Не мешкая, он передал телеграмму в Москву о предстоящем акте подписания капитуляции и текст протокола; просил указаний. Пока телеграмма И.А. Суслопарова была доложена по назначению, прошло несколько часов. В Реймсе перевалило за полночь, и наступило время подписывать капитуляцию. Инструкции же из Москвы не приходили. Положение начальника советской военной миссии было весьма сложным. Всё теперь упиралось в него. Ставить свою подпись от имени Советского государства или отказаться?

И.А. Суслопаров отлично понимал, что манёвр гитлеровских последышей с капитуляцией только перед союзниками мог обернуться в случае какого-либо недосмотра с его стороны величайшим несчастьем. Он читал и перечитывал текст капитуляции и не нашёл в нём какого-либо скрытого злого умысла. Вместе с тем перед глазами генерала вставали картины войны, где каждая минута уносила множество человеческих жизней. Начальник советской военной миссии принял решение подписать документ о капитуляции. В то же время он, обеспечивая возможность для Советского правительства повлиять в случае необходимости на последующий ход событий, сделал примечание к документу. В примечании говорилось, что данный протокол о военной капитуляции не исключает в дальнейшем подписания иного, более совершенного акта о капитуляции Германии, если о том заявит какое-либо союзное правительство.

Д. Эйзенхауэр и представители других держав при его штабе с примечанием И.А. Суслопарова согласились” [8, с. 517, 518].

Таким образом, можно сделать вывод, что Эйзенхауэр попросил Суслопарова передать в Москву текст акта и затем поставить свою подпись под ним в качестве законного представителя Советского Союза. Конечно, никакого “примечания” к Акту о капитуляции не существовало — это не принято. Скорее всего, имеется в виду п. 4 акта, где говорилось о возможности подписания нового документа, или же речь шла о подписанном Йодлем одновременно с актом “Обязательстве”. В этом документе германское командование гарантировало, что “нижеперечисленные германские офицеры придут в место и время, установленные Верховным Главнокомандующим Союзнических Экспедиционных Сил и Советским Главным Командованием, с соответствующими полномочиями для осуществления официальной ратификации от имени Германского верховного командования этого Акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил” [9, р. 30].

С указанным п. 4 и “Обязательством” позже возникнут большие проблемы: советская сторона, основываясь на них, будет считать реймский акт предварительным, а берлинскую капитуляцию — единственной, а наши союзники назовут последующие события в Берлине всего лишь ратификацией. (На самом деле, ратификация — это конкретное действие, подразумевающее утверждение некоей верховной властью международного акта, заключённого её представителями. Таким образом власть подтверждает, что представитель действовал по её указанию, и она его действия одобряет и под ними подписывается. При этом участие какой-либо другой стороны в этом процессе не предусмотрено

Генерал-майор И.А. Суслопаров и старший лейтенант И. Черняев во время церемонии подписания Акта о капитуляции. Реймс, 7 мая 1945 г.

Генерал-полковник А. Йодль подписывает Акт о капитуляции. Реймс, 7 мая 1945 г.

априори, в этом просто нет никакой необходимости. Сам термин “ратификация” протащили англо-американцы, зафиксировав его в “Обязательстве”. Несмотря на формальный повод называть церемонию подписания Акта о безоговорочной капитуляции в Берлине “ратификацией”, это не более чем попытка повысить собственную значимость. С другой стороны, а что ещё оставалось делать союзникам? Не могли же они официально признать, что занимались лишь подготовкой капитуляции, и отдать все политические дивиденды СССР!)

По словам Штеменко, уже после подписания акта Суслопаров получил телеграмму из Москвы — ничего не подписывать: “Д. Эйзенхауэр поздравил И.А. Суслопарова с подписанием акта. Последний направил свой доклад в Москву. А оттуда между тем уже шла встречная депеша, где указывалось: никаких документов не подписывать!” [8, с. 518]. Текст этой телеграммы так никогда и не был опубликован, что удивительно, учитывая важность документа, с одной стороны, а с другой — отсутствие какой-либо секретности её содержания и необходимости его скрывать в интересах СССР. Мало того, не зафиксирован её приход, всё ограничивается ничем не подтверждёнными сведениями, что примерно через шесть часов после подписания из Москвы пришёл ответ, в котором говорилось, что Акт о капитуляции неприемлем, так как его текст отличался от согласованного Европейской консультационной комиссией, а также потому, что Суслопаров не был официально уполномочен подписывать его. Впрочем, вполне возможно, что такая телеграмма и была, только она была заведомо отправлена так, чтобы пришла уже после подписания акта. Почему мы

ставим под сомнение факт отправления подобной телеграммы или считаем, что она была немеренно отправлена позже? Дело в том, что, зная подозрительность Сталина, а также учитывая его опыт политической деятельности, можно предположить, что он принял решение в пользу именно такого варианта: не давать никаких указаний, а оставить вопрос на усмотрение Суслопарова. Этим руководитель СССР оставлял себе полную свободу рук, в случае необходимости можно было заявить, что Суслопаров свои полномочия превысил, и его подпись дезавуировать — исходя из того, что выгоднее и как дальше будут развиваться события. Тем более что п. 4 давал возможность переподписать Акт о капитуляции.

Как показали дальнейшие события, подобное решение было правильным и позволяло учитывать любые возможные осложнения (которых не было). Отказ же от подписания капитуляции в этой ситуации не дал бы ничего, кроме совершенно ненужного конфликта, и мог привести к тому, что наши союзники подписали бы документ, но уже не как некий предварительный, а как окончательный. Не говоря уже о том, что отказ Москвы в полномочиях Суслопарову мог привести к подписанию частичной капитуляции, на что Эйзенхауэр имел полное право. Тем самым был бы сделан колоссальный подарок правительству Карла Дёница. Утверждать, что Сталин и его окружение этого не понимали, значит считать, что руководители огромной страны, имевшие большой опыт, в том числе приобретённый в ходе тяжелейшей войны, ничему так и не научились. Следует учитывать, что они имели ещё и опыт сотрудничества с чрезвычайно сложными союзниками, которые были союзниками исключительно в силу

Во время подписания Акта о капитуляции в Реймсе.

Спиной (справа налево): майор В. Оксениус, генерал-полковник А. Йодль, генерал-адмирал Г.Г. фон Фридебург. *Лицом* (слева направо): генерал-лейтенант Ф. Морган, генерал Ф. Севе, адмирал Г. Барроу, радиокорреспондент Г. Бутчер, генерал-лейтенант У.Б. Смит, старший лейтенант И. Черняев, генерал-майор И.А. Суслопаров, генерал К. Спаатц, кинооператор Г. Булл, маршал авиации Дж. Робб, полковник И.И. Зенкович

наличия общего врага, являясь на самом деле последовательными противниками СССР и убеждёнными антикоммунистами. Можно предположить, что принятое руководством СССР решение было не случайным, а продуманным: у Сталина были обсуждены различные варианты (что следует из довольно длительного совещания) и принято единственно возможное решение, которое одновременно являлось основанным на реалиях разумным компромиссом. В пользу того, что упомянутой телеграммы не существовало (либо она сознательно была отправлена уже после подписания Акта о капитуляции), говорит и тот факт, что каких-либо серьёзных мер в отношении Суслопарова принято не было, — учитывая какие серьёзные «оргвыводы» могли последовать, и он ещё на несколько слет остался на службе в системе Главного разведывательного управления.

* * *

После подписания ряда частичных капитуляций стало понятно, что до конца войны остались считанные дни. Руководители стран «Большой тройки» это осознавали, как и то, что раз война ведётся коалицией, то и объявить своим народам о её прекращении и победе также должны все вместе или, как вариант, одновременно. 6 мая Иосиф Сталин получил отправленные накануне (датированные 5 мая)

послания Гарри Трумэна и Уинстона Черчилля, целью которых было урегулировать этот вопрос. Последний писал: «Я предлагаю согласиться с американским мнением, и я устанавливаю время 3 часа после полудня по британскому летнему времени, что означает 4 часа после полудня по Вашему нынешнему времени. Это даст возможность Президенту сделать заявление в 9 часов утра по вашингтонскому времени» [11].

Это предложение было принято советской стороной с упоминанием того, что победа общая, а значит, общей должна быть и капитуляция, как было предусмотрено ранее. Никаких принципиальных возражений предложение союзников не вызвало, о чём Сталин в тот же день им сообщил: «У меня нет возражений против Вашего предложения о 3 часах по британскому летнему времени, что соответствует 4 часам после полудня по московскому времени. Президента г-на Трумэна я также об этом уведомила» [11, № 458].

Тем временем, как уже было сказано, в ночь на 7 мая, через полтора часа после полуночи, Акт о капитуляции был подписан, какой-либо возможности отказа немецкой стороны от подписи предположительно не было. Следовательно, с точки зрения Великобритании и США можно было говорить о победе как о событии, которое теперь уже неминуемо наступит

8 мая в 23 часа 01 минуту по средневропейскому времени. Предстоящее подписание акта в Берлине наши Союзники изначально рассматривали как уступку СССР и в общем ничего не значащую церемонию, которая должна была бы удовлетворить амбиции союзника, с которым в то время они ссориться не планировали. Тем не менее позиция СССР была аргументированной: именно факт победы должен был фиксироваться не предварительным актом, а окончательным. (Даже в случае некоей умозрительной “ратификации”, именно после неё документ считался бы вступившим в силу.) Таким образом, официальное объявление о победе следует связывать именно с подписанием Акта о безоговорочной капитуляции в Берлине.

Тем временем консультации между союзниками продолжались на самом высоком уровне. Советская сторона всё ещё пыталась добиться того, чтобы сообщение о подписании Акта о капитуляции было отложено до новой церемонии в Берлине: в этом случае можно было бы на вполне законных основаниях объявить реймский документ ничего не значащей предварительной договорённостью. Такой вариант полностью устроил бы советскую сторону, но, естественно, абсолютно не подходил англо-американцам, которые — хотя на словах они были предельно корректны — не собирались отдавать СССР пальму первенства. Не для того они протаскивали словечко “ратификация”, чтобы потом дать возможность Сталину ещё раз подтвердить главный вклад в Победу нашей страны. Они были готовы разделить с ним лавры победителя. На первый план, как обычно, выступил Уинстон Черчилль. После обмена мнениями на самом высоком уровне британский премьер-министр сообщил Сталину: “Ввиду трудности согласования более раннего времени для опубликования я решил, с большим сожалением, отложить моё заявление по радио до того времени, которое было условлено первоначально, то есть до завтра, до вторника [8 мая] до 3 часов после полудня, что соответствует 4 часам после полудня московского времени” [11, № 461].

В Москве отреагировали быстро, в тот же день была предпринята очередная попытка аргументировать позицию Советского Союза. Вполне логично указывалось, что в соответствии с подписанным актом режим капитуляции пока что в силу не вступил — его надо было ждать до 23:01 по средневропейскому времени. Конечно, можно говорить, что Сталин был человеком недоверчивым и подозревал союзников в не совсем честной игре (о чём он, кстати, имел много косвенных сигналов). В то же время надо заметить, что когда речь идёт о завершении — и завершении победоносном — тяжелейшей кровопролитной войны, объявить о нём стоит именно тогда, когда война реально закончится, а не когда кто-то об этом договорился. Если страна сражается уже больше 3 лет 10 месяцев и 2 недель, то можно подождать еще 1–2 дня, но уже объявить о Победе

окончательно и бесповоротно. Именно таким был смысл очередного послания Сталина Черчиллю, выдержанного в корректной и уважительной форме: “У Верховного Командования Красной Армии нет уверенности, что приказ главного германского командования о безоговорочной капитуляции будет выполнен немецкими войсками на восточном фронте. Поэтому мы опасаемся, что в случае объявления сегодня правительством СССР о капитуляции Германии, *мы окажемся в неловком положении и введём в заблуждение общественное мнение Советского Союза* [курсив мой. — К.З.]. Надо иметь в виду, что сопротивление немецких войск на восточном фронте не ослабевает, а, судя по радиоперехватам, значительная группа немецких войск прямо заявляет о намерении продолжать сопротивление и не подчиняться приказу Дёница о капитуляции.

Поэтому Командование советских войск хотело бы выждать до момента, когда войдёт в силу капитуляция немецких войск, и, таким образом, отложить объявление Правительств о капитуляции немцев на 9 мая, в 7 часов по московскому времени” [11, № 462].

Хотя аргументы СССР были вполне логичными и имели право на существование, говорить об их принятии было просто невозможно. Союзники пошли на определённый компромисс, отложив на 8 мая объявление о подписании Акта о капитуляции. Однако эта частичная уступка, как и фактически официальное признание если не необходимости (подобное слово не употреблялось), то неминуемости новой церемонии в Берлине, была самым большим, на что могли пойти в Лондоне и Вашингтоне. В связи с этим ответ Сталину Черчилля, который фактически говорил и от имени Трумэна, был хотя и велеречивый, но достаточно жёсткий и не подразумевающий дальнейшего обсуждения данного вопроса. Кроме того, ответ был отправлен уже 8 мая с таким расчётом, что возможная реакция на него неизбежно запоздает: “Я только что получил Ваше послание, а также прочитал письмо от генерала Антонова генералу Эйзенхауэру, в котором предлагается, чтобы объявление о капитуляции Германии было бы отложено до 9 мая 1945 года. *Для меня будет невозможно отложить мое заявление* [курсив мой. — К.З.] на 24 часа, как Вы это предлагаете” [11, № 463].

Трумэн решил вообще не вдаваться в детали, оставив их своему британскому коллеге, а просто сослался на то, что уже слишком поздно — самая простая и стандартная отговорка. Причём он ответил не напрямую, а через посла СССР в США Андрея Громыко: “Прошу Вас сообщить маршалу Сталину, что его послание на моё имя было получено в Белом доме сегодня в час ночи. Однако, когда послание поступило ко мне, приготовления продвинулись вперёд настолько, что оказалось невозможным рассмотреть вопрос об отсрочке объявления мною о капитуляции Германии”. А премьер-министр Великобритании во исполнение высказанной им позиции

в 15:15 по средневропейскому времени из студии ВВС выступил с радиообращением к соотечественникам, сообщив о капитуляции.

* * *

Подписанный в Реймсе 7 мая документ абсолютно не удовлетворил Иосифа Сталина, что было вполне логично и можно было с большой долей вероятности прогнозировать. Крайним был назначен генерал-майор Иван Суслопаров, который получил выговор за то, что не блокировал подписание Акта о капитуляции. Сегодня можно встретить довольно спекулятивные утверждения, апеллирующие к неким “общечеловеческим ценностям”, что, мол, “какая разница кто подписал, главное закончить эту кошмарную войну”. Действительно, вроде бы по факту подписания этого документа война завершается, и именно победой стран антигитлеровской коалиции — всех стран без исключения, и это под сомнение не ставится. Тот факт, что на документе нет подписи представителя Великобритании, а представитель Франции выступил лишь как свидетель, особой роли для этих стран не играл. Проблема заключалась в другом, и Сталин это прекрасно понимал. Возможно, здесь определённую

роль сыграла подозрительность лидера СССР: вождь был человеком недоверчивым и везде видел заговоры и злую волю. С другой стороны, особого доверия западные партнёры не заслуживали (как, кстати, и СССР, и Сталин, с их точки зрения): антигитлеровская коалиция была объединением против общего врага, но единые интересы входящих в неё стран ограничивались стремлением нанести поражение нацистской Германии и в значительно меньшей степени умозрительной идеей создания послевоенного мира, вернее, новой системы международных отношений. Однако главную роль здесь играло не доверие или подозрения, а понимание Сталиным огромного значения официального подписания Акта о безоговорочной капитуляции не только для конкретной ситуации 1945 г., но и для будущего.

Вечером 7 мая, в 19:30, Сталин собрал совещание, на которое вызвали представителей Генштаба. Оно было довольно представительным — сразу три (кроме, естественно, Сталина) члена Политбюро ЦК ВКП (б) — В.М. Молотов, Л.П. Берия и Г.М. Маленков, кроме того, был приглашён 1-й заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский, чуть позже — где-то в 20:10 — прибыл начальник

Немецкая делегация на церемонии подписания Акта о безоговорочной капитуляции в Берлине. 8 мая 1945 г.

Сидят (слева направо): Г.Ю. Штурмф, В. Кейтель и Г.Г. фон Фридебург, *стоят* (слева направо): Л. Бюркнер, О. Зальман, К. Бём-Теттельбах, офицер люфтваффе

Главного разведывательного управления Наркомата обороны СССР генерал-лейтенант И.И. Ильичёв.

Штеменко вспоминал: “Обсуждалась капитуляция в Реймсе. Верховный главнокомандующий подводил итоги, размышляя вслух. Он заметил, что союзники организовали одностороннее соглашение с правительством Дёница. Такое соглашение больше похоже на нехороший стговор... Выходит, что перед нашей страной капитуляции не происходит, и это тогда, когда именно мы больше всего потерпели от гитлеровского нашествия и вложили наибольший вклад в дело победы, сломав хребет фашистскому зверю. От такой “капитуляции” можно ожидать плохих последствий...”

Договор, подписанный союзниками в Реймсе, — продолжал И. В. Сталин, — нельзя отменить, но его нельзя и признать. Капитуляция должна быть учтена как важнейший исторический факт и принята не на территории победителей, а там, откуда пришла фашистская агрессия, — в Берлине, и не в одностороннем порядке, а обязательно верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции. Пусть её подпишет кто-то из главарей бывшего фашистского государства или целая группа нацистов, ответственных за все их злодеяния перед человечеством.

Закончив говорить, И.В. Сталин обратился к нам и справился, может ли товарищ Жуков подыскать подходящее помещение для торжественного подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии в Берлине...

После этого Верховный Главнокомандующий потребовал соединить его по телефону с Берлином и сам сообщил Жукову, что Георгия Константиновича уполномочили принять капитуляцию фашистской Германии от имени СССР. Вслед за тем была составлена и тут же отправлена из аппаратной Ставки короткая записка в Берлин на ту же тему” [8, с. 522, 523].

На самом деле сложно сказать, какие соображения сыграли в решении Сталина главную роль, но можно с уверенностью утверждать, что сегодня, в случае если бы осталась только Реймская капитуляция, мы бы слышали множество спекуляций на тему, кому реально сдалась нацистская Германия и кого надо считать странами-победительницами. Кроме того, и тут надо признать правоту советского лидера, самая кровавая война в истории человечества обязательно должна была завершиться не каким-то проходным событием, в котором участвовало несколько генералов, причём отнюдь не первых лиц воюющих сторон, а торжественной церемонией, которая вошла бы в историю. Напомним: когда в сентябре 1945 г. американцы организовывали церемонию подписания Акта о капитуляции Японии, они превратили это в яркое зрелище, хотя как раз там им никто бы не помешал сделать это кулуарно, вроде того, что происходило в Реймсе.

Дальнейшие события хорошо известны. Церемония подписания Акта о безоговорочной капи-

туляции началась ровно в 24:00 по московскому времени (22:00 по средневропейскому или 23:00 по летнему германскому времени), то есть за 1 час и 1 минуту до вступления капитуляции в силу. Таким образом противоречие было разрешено. В этот момент представители Союзного командования во главе с маршалом Советского Союза Жуковым вошли в зал. Затем состоялась сама церемония. Зарубежные источники указывают, что это произошло в 0:16 по московскому времени 9 мая (22:16 по средневропейскому и 23:16 по летнему германскому времени 8 мая). Г.К. Жуков чётко зафиксировал время, но не подписания акта, а окончания церемонии: “В 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года подписание акта безоговорочной капитуляции Германии было закончено. Я предложил немецкой делегации покинуть зал”.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Heiber H.* (Hrsg.) *Hitlers Lagebesprechungen. Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942–1945.* Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1962.
2. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). М.: ТЕРРА, 1995.
Russian archive: The Great Patriotic War. Vol. 15 (4–5). Moscow: TERRA, 1995. (In Russ.)
3. *Дёниц К.* Десять лет и двадцать дней. Воспоминания главнокомандующего военно-морскими силами Германии. 1935–1945 гг. М.: Центрполиграф, 2004. http://militera.lib.ru/memo/german/doenitz_k/text.html#t22 (дата обращения 23.01.2025).
4. *Dönitz K.* *Ten Years and Twenty Days. Memories of the Commander-in-Chief of the German Navy. 1935–1945.* Moscow: Centerpoligraf, 2004. http://militera.lib.ru/memo/german/doenitz_k/text.html#t22 (accessed 23.01.2025). (In Russ.)
4. *Монтгомери Б.* Мемуары фельдмаршала. М.: Вагриус, 2006.
Montgomery B. *Memoirs of a Field Marshal.* Moscow: Vagrius, 2006. (In Russ.)
5. *Погью Ф.С.* Верховное командование / Сокр. пер. с англ. М.: Воениздат, 1959.
Pogyu F.S. *Supreme Command / Abridged translation from English.* Moscow: Voenizdat, 1959. (In Russ.)
6. *Кынин Г.П., Морозова И.М.* Германия капитулирует безоговорочно // Историко-документальный департамент МИД России. https://idd.mid.ru/informational_materials/germaniya-kapituliruet-bezogovorochno/ (дата обращения 9.11.2024).
Kynin G.P., Morozova I.M. *Germany capitulates unconditionally // Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.* https://idd.mid.ru/informational_materials/germaniya-kapituliruet-bezogovorochno/ (accessed 9.11.2024). (In Russ.)

7. *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Смоленск: Русич, 2000.
Eisenhower D. Crusade to Europe. Smolensk: Rusich, 2000. (In Russ.)
8. *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1981.
Shtemenko S.M. General Staff during the war. Moscow: Voenizdat, 1981.
9. Germany Surrenders Unconditionally. Facsimiles of the documents // National Archives publication (Washington, D.C.), 1945. (In Russ.)
10. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Политиздат, 1958. https://www.hrono.ru/libris/stalin/sc45_05.html (дата обращения 18.11.2024).
Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the Presidents of the USA and the Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War of 1941–1945. Moscow: Politizdat, 1958. https://www.hrono.ru/libris/stalin/sc45_05.html (11/18/2024). (accessed 18.11.2024) (In Russ.)

POLITICAL STRUGGLE AROUND THE UNCONDITIONAL CAPITULATION OF NAZI GERMANY

К.А. Zalessky^{a,*}

^a*Association of Historians of the Second World War named after O.A. Rzheshesky*

^{*}*E-mail: ka_zet@mail.ru*

The article is devoted to a dramatic moment in the history of the Great Patriotic War and the Second World War – the signing of the Act of Unconditional Surrender of Nazi Germany. A serious struggle unfolded around this event with the participation of the leadership of Germany, Great Britain, the United States of America and the Soviet Union. The leadership of the USSR did everything possible to prevent the conclusion of a separate peace between Germany and Great Britain, which the government of K. Dönitz sought. The author traces all the stages of this military-political collision, within the framework of which it was not only about the post-war status of Germany, but also about a new system of international relations.

Keywords: Great Patriotic War, Second World War, Act of Surrender of Germany, anti-Hitler coalition, “Big Three”, complete capitulation, partial capitulation, separate agreements, I.V. Stalin, W. Churchill, D. Eisenhower, H. Truman, K. Dönitz, Field Marshal B. Montgomery, General Admiral G.G. von Friedeburg, Colonel General A. Jodl, Major General I.A. Susloparov.